

Дмитрий Кулаков

**«Белые лапки
не дрожат»**

Дмитрий Кулаков

«Белые лапки не дрожат»

<https://litres.ru/74399627>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уличная кошка Мария знала лишь одно правило выживания: тень — твой друг, а человек — непредсказуемая лапа. Но детская жажда приключений заводит её дальше тени родного двора — в ледяную Бездну метро, на борт мертвого корабля и под лезвия городских бульдозеров.

Чтобы спасти семью от безжалостного Короля помоек Маркиза и надвигающихся челюстей строительной техники, Марии придется переписать законы улиц. Здесь когти встречаются с пулями, вибрация рельсов заменяет молитву, а власть измеряется не силой лап, а точностью расчета.

Это история о том, как домашняя пыль превращается в сталь, когда ей становится нечего терять, кроме крыши над головой.

Содержание

Глава 1. Вкус асфальта и запах свободы	4
Глава 2. Закон урны и голос из темноты	9
Глава 3. Вокзал, крысиный король и закон трех секунд	14
Глава 4. Дыхание Бездны	21
Глава 5. Слепая зона и цена слова	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Кулаков

«Белые лапки не дрожат»

Глава 1. Вкус асфальта и запах свободы

Я помню этот день до последней шерстинки на моем загривке. Солнце тогда палило так, что раскаленный асфальт жег подушечки лап даже сквозь утреннюю росу. Мама-кошка учила нас, троих пищущих комочков, правилам выживания в тени старой трансформаторной будки. «Мария, — шипела она, когда я слишком далеко высывалась из-под бетонного козырька, — тень твой лучший друг. А человек — это большая, непредсказуемая лапа. Никогда не смотри им в глаза долго, но всегда следи за их ногами». Ее звали Рыжуха, моих братьев — Пестрый и Хвост. Обычные уличные имена для обычных уличных страхов. Мы знали вкус дождевой воды из луж, острую радость от пойманной глупой мухи и липкую сладость выброшенного кем-то мороженого. Но мне этого было мало. Мир мамы заканчивался там, где начиналась высокая трава у забора детского сада. Мой же мир зудел внутри, требуя простора. Я была названа Марией не просто так — мама говорила, что назвала меня в честь ка-

кой-то очень гордой птицы с огромными крыльями, которая летает выше крыш. Мне хотелось проверить, правда ли небо начинается над шифером. В то утро пахло приключениями. Вернее, оно пахло копченой колбасой. Запах шел со стороны большой мусорной площадки за тремя дорогами. Три дороги! Для котенка, который дальше кустов сирени носа не казал, это звучало как приглашение на край света. Колбаса звала меня громче маминого шипения. Она обещала сытость без необходимости ловить склизких ящериц. — Я скоро, — бросила я братьям, которые увлеченно пытались утопить сухую ветку в луже. — Нас ма зовет, куда?! — пискнул Пестрый, но его голос уже тонул в нарастающем гуле Большой Дороги. Первый шаг за пределы двора был похож на прыжок в ледяную воду. Воздух здесь был другим — тяжелым, дрожащим от жара и пахнувшим гарью. Земля перестала быть мягкой землей, превратившись в твердую, дышащую жаром чешую. Мои вибриссы задрожали от сотен незнакомых сигналов: озон, бензин, страх далеких собак, чужие духи. Первая дорога оказалась самой страшной. Черная гладкая река, по которой проносились ревушие железные звери. Они двигались так быстро, что мой кошачий глаз едва успевал за ними следить. Я прижалась к бордюру, распластав живот на прохладном камне, и пропустила три таких зверя. Четвертый затормозил прямо передо мной, обдав лицо волной горячего ветра. Сквозь мутное стекло на меня смотрело чье-то бледное человеческое лицо. Я зашипела на него

чисто инстинктивно, и железный зверь, фыркнув, умчался прочь. На той стороне я позволила себе перевести дух. Уши горели, хвост мелко подрагивал, но гордость раздувала грудную клетку больше, чем одышка. Я сделала это. Одна. Вторая дорога далась легче. Третья превратилась в игру на терпение. И вот он — источник запаха. Мусорная площадка показала мне дворцом падишаха. Горы черных пакетов, ржавые баки, стаи жирных голубей, которых можно гонять вечно. Колбасу я нашла почти сразу — шкурка от «Краковской» валялась прямо на куче картонных коробок. Она была немного заветренной, но божественной. Я вонзила в нее молочные, еще не до конца сменившиеся зубы, и зажмурилась от счастья. Это был вкус победы. Вкус настоящей жизни. Где-то далеко, за спиной, осталась теплая мамина шерсть и безопасная скука. Здесь же правила устанавливала я сама. Солнце начало клониться к закату, окрашивая крыши гаражей в цвет запекшейся крови. Стало холодать. Бетон перестал отдавать накопленное тепло и начал кусаться. Желудок, впервые в жизни набитый досыта, приятно ныл. И тут я поняла, что хочу домой. Не просто к еде или сухому месту. К маме. К тому, как она вылизывает мои уши шершавым языком и мурчит, заглушая все городские страхи. Разворачиваться нужно было немедленно, пока совсем не стемнело. Обратный путь начался бодро. Я знала дорогу назад, помнила каждый ориентир: сломанный фонарь, граффити с синим котом, телефонная будка без стекол. Но город стремительно менял

свое лицо. Включились желтые фонари, длинные тени сплелись в паутину, а звуки стали другими — резкими, хищными. Зажурчала вода в решетках канализации, откуда потянуло сыростью и опасностью. Из темноты подвальных окон на меня смотрели чьи-то зеленые флуоресцирующие глаза. Я замерла, выгнув спину дугой, готовая бежать или драться, но глаза моргнули и исчезли — это был всего лишь соседский Барсик, такой же бродяга, как и я. А потом начались Переключения. Сначала погас свет на всей улице. Полнейшая, абсолютная тьма окутала меня, проглотив даже очертания собственных лап. Город выключил свои огни ровно на три секунды. За эти три секунды мое сердце успело ударить, кажется, тысячу раз. Когда лампы вспыхнули снова, всё изменилось. Запахи перемешались. На смену дневному бензину пришел густой аромат ночной земли, мокрой пыли и чего-то тревожного, металлического. Асфальт стал глянцевым и черным, отражая луну, которую днем скрывало марево. Тени вытянулись, став живыми существами. Они тянули ко мне свои бесформенные руки из-за углов старых сараев. Каждый шорох пакета, гонимого ветром, казался шагом крадущегося врага. Каждый скрип качелей на пустой детской площадке звучал как крик. Я шла, стараясь ступать неслышно, прижимаясь к стенам домов. Моя детская уверенность испарялась вместе с теплом уходящего дня. Приключение больше не казалось веселой игрой. Оно стало тяжелой работой по выживанию. Когда впереди наконец показался знакомый за-

бор нашего детского сада, силы оставили меня. Я рухнула в густые заросли крапивы у теплотрассы — единственное место, которое показалось мне достаточно укромным. Жгучие листья обжигали нос и бок, но это была честная боль, понятная. Гораздо понятнее, чем равнодушный гул железных зверей. Сквозь сетку-рабицу я видела наш двор. Там, под трансформаторной будкой, наверняка спят мои братья. А мамы нет. Она сейчас мечется по кварталу, ищет пропавшую дочь, вслушивается в ночь своими чуткими ушами. От этой мысли во рту появился соленый привкус, совсем не похожий на вкус колбасы. Я свернулась клубком, пряча замерзший нос в пушистый хвост. Первое правило улицы, которому я только что научилась: приключения никуда не убегут. А вот дом можно потерять навсегда. По крайней мере, до рассвета. До него оставалось пережить целую вечность городского шума, холода и неизвестности.

Глава 2. Закон урны и голос из темноты

Ночь оказалась не черной, как бархат на сапогах той старушки с первого этажа, а серой от городского смога. Крапива жгла уже не так сильно — кожа на боку онемела, превратившись в плотную корку. Я дрожала. Не столько от холода, сколько от вибрирующего гула теплотрассы подо мной. Там, глубоко в железном чреве земли, текла горячая вода, и этот низкий рокот передавался прямо в мои кости. Казалось, что сам город дышит во сне. Спать было нельзя. Улица никогда не спит до конца, она лишь дремлет, приоткрыв один желтый глаз фонаря. Из мусорного бака за моей спиной тянуло тухлой рыбой и сладкой гнилью. Желудок предательски сжался, напоминая о краковской колбасе, но есть больше не хотелось — хотелось только пить. Слюна стала густой и горькой. Я выбралась из крапивы, стряхивая с ушей невидимые семена страха. Нужно найти воду. И безопасное дерево. На земле спать слишком опасно: Переключения показали мне, кто здесь настоящий хозяин. Мои шаги стали другими. Днем я ступала нагло, цокая когтями по бетону, заявляя свои права на эту территорию. Сейчас же я скользила бесформенной тенью. Лапы ставились мягко, строго одна перед другой, чтобы ни один камушек не хрустнул под моим

весом. Хвост замер параллельно земле — это был идеальный балансир для ночной охоты или бегства. Воду я нашла у старой автомобильной мойки. Тонкая струйка ледяной влаги сочилась из лопнувшего шланга, навсегда оставленного кем-то зажатым между стеной и баком. Пить пришлось долго, собирая влагу языком. Вода пахла резиной и хлоркой, но сейчас это был самый чистый напиток в моей жизни. Пока я пила, мимо проехала машина уборщиков. Она двигалась медленно, поводя из стороны в сторону слепым желтым глазом-фарой, и шумно всасывала пыль. Я вжалась в мокрый бордюр, мысленно умоляя ее проехать мимо. Железная лапа монстра прошуршала в десяти сантиметрах от моего хвоста, обдав лицо водяной взвесью. Когда звук мотора затих за поворотом, я поняла, что задержала дыхание. Утолив жажду, я решила проверить закон урны. Ночью он работает иначе, чем днем. Днем люди злые, они кричат и замахиваются пакетами. Ночью люди спят, и их владения принадлежат нам. Возле круглосуточной аптеки стояло три зеленых бака. Первый встретил меня запахом лекарств и спирта — пусто. Второй оказался завален тяжелыми картонными коробками. А вот третий... Третий источал аромат жареной курицы. Я запрыгнула на крышку. Металл отозвался глухим гулом, который показался мне громче раската грома. Замерла. Внутри дома напротив горел свет телевизора — синее мерцание выхватывало край тюлевой шторы. Никто не выглянул. Я поддела крышку лапой. Тяжелая. Пришлось упереться задними

ногами в асфальт и толкать всем телом. Петли скрипнули, крышка качнулась и с лязгом откинулась назад. Удар эхом разнесся по спящему двору. Я окаменела, впившись когтями в резиновый уплотнитель бака. Сердце колотилось где-то в горле. Пронесло. Внутри царил пир. Полкурицы, почти нетронутой, лежало поверх кучи бумажных салфеток. Жир блеснул в свете далекого фонаря. Это была моя добыча. Настоящая, уличная. Никакой маминой подачи, никакой жалости. Только я, ночь и эта птица. Я вцепилась зубами в ножку, отрывая кусок белого мяса вместе с кожей. Вкус соли и специй ударил в нос. — Мр-р-ракобесие, — раздалось сверху. Я подпрыгнула от неожиданности, роняя курицу обратно в недра бака. Шерсть встала дыбом от кончика носа до самого основания хвоста. Прямо надо мной, на ржавом козырьке аптеки, сидело существо. Оно было огромным — раза в два крупнее мамы-Рыжухи. Совершенно черное, без единого пятнышка, если не считать желтых, как старые монеты, глаз. Его уши были заломлены странным V-образным образом, а усы топорщились вперед, словно щупальца. — Осторожнее, малявка, — лениво протянул кот, даже не удосужившись открыть оба глаза. — Ты своим грохотом всю алгебру распугала. — Кто ты? — просипела я, стараясь придать голосу взрослую хрипотцу, хотя он предательски дрогнул. — Скальд. Местный летописец. А ты новенькая. Мария, кажется? Твоя мама весь квартал на уши поставила. Рыжуха думает, тебя собаки порвали за гаражами. Рыдает там теперь, мо-

локо у нее пропадает. От того, как легко он назвал мое имя, мне стало стыдно. Горячий ком подкатил к горлу. Значит, мама ищет. Но признаться в этом огромному чужому коту было выше моих сил. — Мне никто не нужен, — огрызнулась я, снова пытаюсь достать куриную ногу. — Я сама себе хозяйка. — Все так говорят, пока первый дождь не смоет с них детскую пушистость, — фыркнул Скальд и потянулся, выгибая спину идеальной дугой. — Спускайся оттуда. Бак старый, скобы сгнили. Грохнешься внутрь — утром дворник найдет твой скелет внутри этой птицы. Будет смешно. Он говорил правду. Под моей правой передней лапой металлическое ребро бака ощутимо прогнулось. Я перепрыгнула на соседний, пустой контейнер, а затем мягко приземлилась на асфальт рядом со Скальдом. — Зачем помогаешь? — подозрительно спросила я, усаживаясь и обвивая лапы хвостом. — Потому что завтра вечером будет Большой Совет перекрестков, — Скальд моргнул своими золотыми глазами. — Впервые за десять лун. Старая Крыса уходит на покой, выбирает нового Короля помоек. Тебе, домашней выскочке, туда хода нет. Разорвут еще на входе, просто ради проверки зубов. А я могу провести. Посмотришь настоящую жизнь. Узнаешь, почему канализационные люки лучше открывать зимой, а не летом. Заодно маме весточку передашь, чтоб перестала позориться. Я посмотрела на свою добычу в баке, потом на спокойную морду черного кота. Он знал правила этого города. Он жил в нем годами, пока я пряталась в тени будки. Быть

одной дальше означало либо замерзнуть под первым же дождем, либо попасть в зубы настоящему хищнику. — Хорошо, — кивнула я. — Пойдем на твой Совет. Но курица моя. — Договорились, — ухмыльнулся Скальд. — Доедай быстрее. До Старого вокзала идти две смены патрулей. Если попадемся собакам из Южного сектора, учить правилам выживания будет уже некому. Мы двинулись вдоль стены аптеки. Скальд шел впереди, его черный силуэт сливался с тенями, делая его почти невидимым. Он учил меня ходить ночью. Оказывается, нужно наступать ровно на те плиты тротуара, где стерта краска разметки — они самые тихие. Обходить стороной решетки ливневки, потому что запах псины оттуда идет волнами. И никогда, никогда не пересекать открытую площадь напрямую — только перебежками от одного куста к другому. Город вокруг нас продолжал свое вечное Переключение. Погас очередной ряд фонарей, погружая улицу в первобытную тьму, и тут же вспыхнул неоновым красным светом рекламный щит над дорогой, окрашивая наши тени в цвет свежей крови. Где-то далеко взвыла сигнализация, ей ответила другая. Но теперь я шла не одна. Впереди маячила широкая спина Скальда, и впервые с тех пор, как я перешагнула порог двора, липкий ужас одиночества немного отступил. Впереди Старый вокзал. Впереди Король помоек. Моя настоящая жизнь только начиналась.

Глава 3. Вокзал, крысиный король и закон трех секунд

Старый вокзал встретил нас запахом озона, креозота и застарелого человеческого отчаяния. Это было огромное логово под открытым небом, где вместо деревьев росли стальные опоры навесов, а ветер пел в проводах тоскливые песни. Скальд вел меня обходными путями — через лабиринт ржавых грузовых контейнеров и заброшенную ремонтную яму. — Запомни запах, — бросил он через плечо, принюхиваясь к влажному ночному воздуху. — Резина, мазут и мокрый бетон. Если учуяла это на своей территории — беги к ближайшей трубе теплотрассы. Здесь патрулируют псы из Южного сектора. Они бегают стаяй, их вожак хромает на заднюю лапу, но челюсти у него смыкаются намертво. Я лишь нервно дернула ухом. Мои приключения начинали пахнуть слишком похоже на смерть. Мы вышли на край огромного асфальтированного поля — привокзальной площади. Луна наконец-то выбралась из-за туч, заливая пространство мертвенно-белым светом. Для кошки яркий свет луны — это проклятие. Ты становишься виден отовсюду. — Ждем Переключения, — шепнул Скальд, прижимаясь к моим лапам. Его черная шерсть слилась с моей серой в одно темное пятно. — Не дыши носом, чует вибрацию земли. Земля действительно

дрожала все сильнее. Приближался ночной экспресс. И вместе с ним пришло спасение. Как только слепящий прожектор локомотива ударил по площади, Скальд рванул вперед. Это был мой первый урок вокзальной жизни. Прожектор поезда создает абсолютную, непроницаемую стену света, которая движется по земле со скоростью сто километров в час. Внутрь этой движущейся полосы тебя не видит никто: ни люди на перроне, ни камеры наблюдения, ни собаки. Но есть цена. Твоя собственная тень становится гигантской и черной. Она бежит впереди тебя, крича о твоём присутствии всем хищникам во тьме. У тебя есть ровно три секунды — пока поезд перекрывает обзор охранникам и пока твоя тень не достигла границы кустов. Раз... Я вытянулась в струну, работая лапами как поршнями. Два... Асфальт больно обжигал голые подушечки. Три... Мы кубарем влетели в заросли одичавшей сирени прямо перед зданием вокзала, когда свет фар лизнул наши хвосты.— Молодец, — тяжело дыша, прохрипел Скальд. — Для домашней ты неплохо прыгаешь. Только хвост выше поднимай, цепляется. Вокзал гудел даже ночью. Гудели сами стены, рельсы, трансформаторные будки. Под огромными циферными часами, которые показывали без четверти полночь, собралась толпа. Но это была не человеческая толпа. Здесь были коты всех мастей. Длинношерстные персиянки с грязными мордами, потерявшие своих старушек-хозяек. Худые, стремительные сиамцы с безумным блеском в глазах — бывшие жители квартир, вышвырнутые

за дурной нрав. Огромные, матерые портовые котяры с разорванными ушами. Они сидели на багажных тележках, на козырьках ларьков, на переплетениях металлических лестниц. Воздух искрил от напряжения, шипения и низкого утробного рычания. Это и был Совет перекрестков. — Держись строго за мной, — приказал Скальд. — Лапы ставь туда, куда ставлю я. Если скажу «замри» — превратись в камень, даже если тебе на голову упадет голубь. Мы начали пробираться сквозь ряды. Кошачье общество мгновенно реагировало на чужака. Десятки пар глаз поворачивались в мою сторону. Я чувствовала их взгляды кожей, каждым волоском шерсти. Кто-то презрительно фыркал, кто-то тихо предупреждающе выл. Путь преградила массивная фигура — серый полосатый кот размером с небольшую собаку. Шрам пересекал его морду так, что левый уголок рта был вечно приподнят в кривой усмешке. — Куда прешь, Скальд? — пророкотал он. — Решил привести закуску для Короля? — Отставить, Грызун, — спокойно ответил Скальд. — Это Мария. Личная посылка для Рыжухи из квартала новостроек. Проходит по моему патенту. Полосатый смерил меня взглядом, задержавшись на моих чистых, еще не стертых об асфальт подушечках, хмыкнул и отошел в сторону. Центр площади был расчищен. Там, на перевернутой пустой алюминиевой урне, восседал тот самый Король помоек. Он был стар. Его шкура, некогда роскошного рыжего цвета, теперь напоминала выцветший осенний лист, покрытый проплеши-

нами лишая. Но глаза... Глаза горели чистым, незамутненным безумием власти. Рядом с ним лежала корона — сплетенная из медной проволоки вешалка, увенчанная донышком от разбитой бутылки. Старая Крыса — древняя облезлая кошка, чей возраст измерялся не годами, а съеденными мышами, — вышла в центр круга. — Братья и сестры вольных дорог! — ее голос, скрипучий, как несмазанная дверь вагона, разнесся над притихшей площадью. — Сегодня мы выбираем того, кто будет решать, чья мусорка богаче, чьи трубы суше и кому первому достанется свежая рыба из ресторана «Восточный дракон». Мой срок вышел. Моя память слаба, а зубы... Она оскалилась, демонстрируя всего два пожелтевших резца. Площадь сочувственно вздохнула. — Я называю имя преемника! Толпа подалась вперед. Я затаила дыхание. Сейчас решится судьба этого города. Может быть, выберут благородного кота, который установит мир между секторами? — Маркиз! — выкрикнула Старая Крыса. Из тени пакгауза ленивой, развалистой походкой вышел огромный дымчатый кот. Он был красив той холодной, жестокой красотой, которой обладают ядовитые змеи. На его шее красовался ошейник из толстой кожи, утыканный настоящими собачьими клыками. Маркиз подошел к урне, посмотрел сверху вниз на Старую Крысу и медленно поднял хвост. Это был знак высочайшего пренебрежения. Он даже не претендовал на трон — он просто пришел показать, кто здесь хозяин. — Закон броска, — еле слышно выдохнул мне в ухо Скальд. —

Смотри внимательно, малявка. Так доказывают право сильного. Маркиз открыл пасть. Вместо громкого крика или боевого клича раздался звук, от которого у меня похолодела кровь в жилах. Это был не кошачий вопль. Это был точный, модулированный скрежет металла по стеклу, переходящий в низкочастотный гул. Звук боли самой железной дороги. Коты вокруг нас вздрогнули, прижали уши. Несколько слабых духом самок жалобно мяукнули. Король на урне попытался встать, чтобы ответить своим рыком, но лапы предательски подкосились. Маркиз сделал шаг вперед. И тут произошло первое ночное Переключение реальности. Свет единственного работающего фонаря над перроном мигнул и сменился с желтого на багрово-красный — аварийный режим. В ту же секунду оглушительно лязгнул металл сцепки на запасном пути. Эхо удара прокатилось по площади, многократно отражаясь от стен. Воспользовавшись этим грохотом, Маркиз молниеносным движением взвился в воздух. Он не стал прыгать на старую Крысу. Он приземлился на саму урну-трон. Посуда издала чудовищный звон. Старый Король, потеряв равновесие, рухнул прямо под лапы своему противнику. Толпа ахнула единым выдохом. Маркиз не торопился добивать его. Он наступил тяжелой лапой на шею поверженного врага, заставляя того захрипеть, наклонился к самому уху старого кота и что-то прошептал. Что именно — никто не услышал, но Старый Король вдруг перестал сопротивляться. Его глаза потухли. Он признал поражение. Мар-

киз выпрямился, сбросив противника на холодный асфальт. Тот отполз в темноту, превратившись в никчемную, никому не нужную тряпку. Новый Король обвел площадь тяжелым взглядом. Его глаза остановились на мне. Взгляд скользнул по моей аккуратной шерстке, по нелепому розовому ошейнику с маленьким колокольчиком (подарок мамы на удачу, который я забыла снять), снова по белым лапкам. — Домашняя пыль, — громко, на всю площадь произнес Маркиз, и в его голосе звучало чистое презрение. — Скальд. Зачем ты притащил сюда этот пылесборник? На наших улицах нет места для тех, кто ищет приключений. На наших улицах место только для тех, кто выживает. Скальд припал к земле, его спина выгнулась вопросительным знаком. Он боялся. Впервые за весь путь черный летописец выглядел напуганным. — Она должна научиться, Владыка. Чтобы знать свое место. Маркиз медленно спустился с урны. Его когти высекали искры из бетона. Он подошел ко мне вплотную. Я почувствовала запах сырого мяса, псины и дешевого табака, которым иногда пахли руки путейщиков. Он навис надо мной, заслоня луну. — Приключений хочешь, Мария? — его горячее дыхание коснулось моего носа. — Будет тебе приключение. Он резко повернул голову и плюнул в сторону дальнего конца платформы, откуда веяло холодом и гнилью. — Видишь тоннель? Метро закрыто уже пять лет. Там внизу живет Бездна. Та, что питается криками заблудившихся. Принеси мне оттуда один предмет. Любой. Камешек, пуговицу, жетон —

неважно. Докажи, что твои белые лапки годятся не только для умывания. До первого крика петуха. Успеешь — будешь спать на теплой трубе рядом с нами. Нет... — он помолчал, наслаждаясь моментом. — Станешь кормом для крыс. Начнем праздник, братья! Площадь взорвалась одобрительным воем. Коты принялись делить территорию свергнутого Короля. А я стояла, глядя в черную пасть тоннеля. Холод страха сменился ледяной, звенящей злостью. Этот дымчатый тиран считает меня мягкой игрушкой. Я посмотрела на свои белые лапы. Затем перевела взгляд на Скальда. Он смотрел на меня круглыми от ужаса глазами, беззвучно шевеля губами: «Не соглашайся». Но я уже сделала шаг вперед, в сторону темноты. — Мне не нужен твой теплый люк, Маркиз, — мой голос прозвучал неожиданно твердо, разрезая шум веселья. — Мне нужна справедливость. Я принесу тебе вещь из Бездны. Но когда я вернусь, эту урну займешь не ты. Гул толпы мгновенно стих. Даже гудение рельсов показалось мне испуганным. Маркиз впервые за ночь улыбнулся по-настоящему, обнажив желтоватые клыки. — Договорились, домашняя кошка. Если вернешься. Я развернулась и пошла к входу в метро, высоко подняв хвост. Позади остался шумный Совет, безопасные дворы и мама-Рыжуха. Впереди ждала настоящая Бездна. Третье правило улицы, которое я усвоила сегодня: никогда не проси у судьбы приключений. Требуй их сама.

Глава 4. Дыхание Бездны

Вход в закрытое метро встретил меня запахом озона, застоявшейся воды и чего-то сладковато-гнилого — так пахнет старая кровь или забытый под батареей кусок мяса. Тяжелая решетчатая дверь была не заперта, а просто притянута толстой алюминиевой проволокой. Скальд остался наверху, на площади. Я видела его черный силуэт на фоне красной лампы аварийного освещения: он сидел у подножия лестницы, обернув лапы хвостом, и мелко дрожал. — Три минуты, Мария! — донеслось сверху. Его голос казался писклявым и жалким. — Если услышишь скрежет когтей по бетону снизу — бросай всё и беги к прожектору кассы! Я ничего не ответила. Проволока поддавалась моим зубам с противным металлическим скрипом. Петля упала на бетон. Толкнуть тяжелую створку носом стоило огромных усилий, но она все же отошла в сторону, открывая путь во тьму. Здесь Переключения работали иначе. На поверхности ночь сменялась днем из-за солнца, здесь же свет жил своей жизнью. Я сделала шаг вниз по гранитным ступеням, и мир вокруг погас. Абсолютная, осязаемая темнота ударила по вибриссам сильнее любого физического препятствия. Мои усы вытянулись вперед, ощупывая пустоту, словно это были новые лапы. Воздух был густым, тяжелым и холодным. Он давил на плечи, заставляя пригибаться к земле. Спуск закончился широкой

площадкой. Я замерла, давая глазам привыкнуть. Постепенно мрак начал редеть, превращаясь в густой серый туман. Станция оказалась циклопической. Высокие потолки терялись во мраке, поддерживаемые рядами массивных колонн, похожих на ноги гигантских спящих чудовищ. Пол был выложен белой плиткой, которая сейчас казалась серой от вековой пыли. Тишина здесь тоже была другой. Наверху город гудел моторами и людьми. Здесь стояла мертвая тишина, которую нарушало лишь мое собственное дыхание да мерный, ритмичный звук капли где-то вдалеке: *кап... кап... кап...* Звук падал в лужу, создавая идеальный метроном этого подземелья. Я двинулась вдоль стены, стараясь держаться тени колонн. Закон урны здесь не работал — мусорщики сюда никогда не спускались. Единственными запахами были мокрый камень, ржавчина и тот самый странный мускусный дух, который я учуяла еще снаружи. Запах присутствия того, кто считает это место своим домом. Впереди замаячило тусклое свечение. Не электрическое — оно пульсировало слабым, болезненно-зеленым светом, напоминающим гниющий фосфор. Оно исходило из широкого прохода, над которым когда-то висела табличка «К ПОЕЗДАМ». Сейчас буквы стерлись, оставив только темные прямоугольники на металлической раме. Мое любопытство боролось со страхом. Маркиз хотел пуговицу? Пусть получит ее. Но мои белые лапки сами понесли меня к зеленому свечению. Чем ближе я подходила, тем отчетливее становился звук. Это было низкое, утроб-

ное гудение, от которого крошился бетон. Казалось, что сама земля под рельсами тяжело вздыхает во сне. За аркой открылся зал путей. Рельсы блестели от влаги, уходя двумя стальными нитями в абсолютную черноту тоннеля. А посередине платформы лежало ЭТО. Оно выглядело как обычный уличный кот-переросток, раздувшийся до невероятных размеров. Шерсть отсутствовала, кожа туго обтягивала мощный костяк, покрытый складками. Существо лежало на боку, сложив передние лапы на груди точь-в-точь как старый аристократ в кресле. Только глаза... Огромные, круглые блюдца желтого цвета без зрачков. Они смотрели прямо на меня, хотя голова твари даже не повернулась. Бездна дышала. В такт этому дыханию зеленый свет то разгорался ярче, то почти затухал. И тут я поняла, что это не существо. Это был воздух. Само пространство тоннеля стало живым. Гудение исходило не от него, оно было им. Я прижалась к полу, распластываясь на холодной плитке. Инстинкт кричал: «Беги! Замри! Умри!» Любой шорох мог выдать меня. Мне нужен был предмет для Маркиза. Что-то маленькое, чтобы схватить зубами и рвануть назад. Мой взгляд метнулся по платформе. Окурок сигареты (слишком большой), пластиковая бутылка (гремит), потерянная кем-то перчатка... И тут я увидела идеальное решение. У самого края платформы, там, где плитка смыкалась с металлом рельсов, валялся жетон. Старый медный жетон для турникетов. Маленький, плоский, абсолютно бесшумный. Он лежал всего в пяти прыжках от ме-

ня. Два прыжка до края платформы, один через узкую колею, и два обратно. Пять шагов между жизнью и смертью. Я начала подтягивать задние лапы, готовясь к спринту. Нужно рассчитать время. Капли воды продолжали падать: *кап... кап... кап...* Я решила прыгать на счет «три» после очередной капли. *Кап.* Сжать мышцы. *Кап.* Проверить сцепку когтей с плиткой. *Кап.* Рывок. Я вылетела из тени колонны, превратившись в смазанную серую стрелу. Плитка летела под ногами ледяными искрами. Первый прыжок. Второй. Край платформы. Я оттолкнулась всеми четырьмя лапами, перелетая над стальным блеском третьего рельса, несущего смертельный ток. Даже если он выключен, влажный воздух проводит электричество не хуже меди. Лапы обожгло статическим разрядом. Приземление вышло жестким. Задняя правая лапа соскользнула на гравий насыпи, мелкие острые камни впились в нежную кожу. Боль пронзила ногу, но времени хромать не было. Я схватила жетон плотно, прижимая его языком к нёбу, чтобы металл не звякнул о зубы. Развернуться. Оттолкнуться. И именно в этот момент Бездна открыла свой глаз. Зеленое свечение вспыхнуло так ярко, что осветило каждый закуток станции. Желтые блюдца существа распахнулись полностью, заполнив собой весь проем тоннеля. Гудение перешло в инфразвуковой рев, от которого мои внутренности завязались узлом. Воздух пришел в движение. Невидимая волна давления ударила мне в грудь, отбрасывая назад, к краю платформы. Жетоном едва не подавилась. Я

заскребла когтями по гладкому камню, пытаюсь удержаться, но инерция тянула меня вниз, на пути. Из темноты тоннеля потянулся запах сырости и озона, смешанный с ароматом хищной пасти. Там, внизу, начало что-то шевелиться. Сначала показались тонкие, суставчатые усики-антенны, пробувающие воздух. Затем — сотни мелких, блестящих черных лапок. Это были не крысы. Это были механические тараканы, размером с мою голову. Их панцири шелкали друг о друга, высекая синие искры. Они хлынули из тоннеля сплошным потоком, привлеченные вспышкой света. Они бежали по стенам, по потолку, по рельсам. Прямо туда, куда я должна была приземлиться. Инстинкт сработал быстрее мысли. Вместо того чтобы пытаться перепрыгнуть пути снова, я рухнула набок и покатила под платформу. Пространство между нижней частью камня и щебнем было узким, пыльным, забитым старой ветошью, но оно спасло мне жизнь. Лавина механических насекомых пронеслась надо мной. Я чувствовала, как их железные лапы царапают мрамор пола прямо над моей спиной. Один из них остановился. Я зажмурилась, чувствуя, как его усик щекочет мой хвост. Послышалось тихое жужжание сервоприводов, и тонкий металлический хоботок опустил вниз, пытаюсь дотянуться до меня сквозь щель. Я замерла, перестав дышать. Сердце билось где-то в горле, готовый выпрыгнуть наружу комок шерсти. Металлический палец коснулся моего носа. Холодный. Абсолютно мертвый. Он скользнул по щеке, задел кончик уха и разоча-

рованно убрался обратно. Звук тысяч щелкающих панцирей начал удаляться вслед за зеленым светом, который медленно уползал обратно в главный тоннель. Рев Бездны стих, возвращаясь к мерному гудению. Прошла минута. Вторая. Насекомые исчезли. Я выбралась из-под платформы, кашляя от цементной пыли. Всё тело ныло, шерсть стояла дыбом, а из прокушенной камнем десны сочилась кровь. Но жетон был намертво зажат в зубах. Наверху, на лестнице, раздался взволнованный топот. — Мария! Ты цела? Клянусь шерстью всех предков, если ты... — Скальд осекся, увидев меня. Я вышла на свет аварийной лампы. Вся в паутине, грязи, с безумно горящими глазами. Я подошла к нему, разжала челюсти и положила теплый от моего дыхания медный кругляш прямо перед его носом. Скальд смотрел то на жетон, то на меня, то на черный провал входа в метро. — Ты... ты спустилась туда, — прошептал он. — К Логову Механических Пауков. Никто из живых не заходил дальше первой ступени уже десять лет. Как? Я села и принялась вылизывать окровавленную лапу, демонстративно игнорируя его вопрос. Внутри больше не было страха маленького котенка. Тот огонь приключений, ради которого я ушла от мамы, сжег остатки детской наивности. Теперь там жила сталь. Маркиз ждет свою игрушку. Что ж, он ее получит. Но вместе с ней он получит новость о том, что домашняя кошка Мария теперь знает тайну Бездны. А значит, правила игры на этих улицах изменятся навсегда. Мы начали подъем по лестнице навстречу занима-

ющемся грязно-серому рассвету. Третье Переключение ночи состоялось: тьма окончательно отступила, уступая место новому дню, который обещал быть гораздо более кровавым, чем прошедшая ночь.

Глава 5. Слепая зона и цена слова

Рассвет в городе пахнет остывающим асфальтом, мокрой пылью и кислым молоком из бидонов первых молочниц. Для обычных котов это время безопасности — люди открывают глаза, собаки прячутся по будкам от жары, а вороны еще слишком сонные, чтобы клевать чужие хвосты. Но для меня утро началось с ледяного пота. Мы со Скальдом выбрались на площадь перед вокзалом ровно в тот момент, когда первый луч солнца ударил по циферблату часов. Площадь была пуста. Ни Маркиза, ни его свиты, ни Старой Крысы. Только ветер гонял обрывки вчерашних объявлений да одинокий голубь лениво клевал что-то у фонтана. — Он ушел спать в свои владения, — выдохнул Скальд, падая брюхом на теплый камень. Его черная шерсть свалялась колтунами после ночной беготни. — У него логово под старой триумфальной аркой. Там даже летом лежит снег. Дымчатый любит контрасты. Я не ответила. Я села прямо в центре площади, положив медный жетон между передних лап. Ошейник с колокольчиком казался теперь невыносимой пыткой — этот идиотский «дзинь» выдаст нас за квартал. Я изогнулась, пытаюсь дотянуться до застежки зубами, но лапы все еще дрожали после тоннеля. — Дай сюда, — Скальд подошел сзади и аккуратно перекусил кожаный ремешок одним движением клыков. Колокольчик упал на плитку с глухим стуком. Звук показался

мне громче взрыва петарды. Мы оба инстинктивно прижали уши, ожидая появления собак, но тишина осталась ненарушенной. Теперь я была настоящей уличной кошкой. Голой. Без защиты мамы, без звона, предупреждающего о моем приближении. — Что будем делать? — спросил Скальд, нервно дергая кончиком хвоста. — Отнесем ему жетон? Ты доказала свою смелость, Мария. Никто не спустится к Механическим Паукам дважды. Маркиз примет тебя в ближний круг. Будешь есть жирных голубей и спать на шелковых шарфах, которые он крадет из прачечной театра. Я посмотрела на черный силуэт арки вдаль. Логово Короля. Идеальная ловушка. Если я войду туда сейчас, следуя правилам игры, то выйду оттуда либо рабыней, либо куском мяса. Маркиз не простит мне того страха, который читался в глазах Скальда. Страх заразителен, а Король помоек должен питаться только ужасом подчиненных. — Мы не отдадим жетон сразу, — мой голос звучал хрипло, горло пересохло от пыли Бездны. — Правило второй главы Кодекса бродяг: если бросаешь вызов вожаку, ты имеешь право на территорию ожидания. Пусть понервничает. Пусть думает, что мы заблудились или нас сожрали его тараканы. Скальд моргнул своими золотыми глазами. В них боролись уважение и первобытный ужас. — Территория ожидания... Это же слепая зона мусоросжигательного завода! Там нет еды, одни химикаты. Туда скидывают битое стекло. Ты хочешь умереть от порезов раньше, чем Маркиз выпустит тебе кишки? — Нет, — я подтолкнула носом

жетон к нему. — Я хочу спрятаться там, где даже механические пауки побрезгуют ползать. А ты пока сходишь к Рыжухе. Скажи маме, что ее дочь жива. И скажи ей... скажи, что я больше не ищу приключений. Я решаю проблемы. Скальд сглотнул так громко, что было слышно хруст кадыка. Путь к кварталу новостроек лежал через весь центр, мимо патрулей Южного сектора. Но спорить со мной он не стал. Ночь в метро изменила иерархию между нами. Теперь старшим был не тот, кто старше, а тот, кто видел смерть ближе. — Понял, — кивнул он. — Жди заката. Как только солнце коснется трубы завода, придешь к северному входу. Я буду ждать с вестями от матери. Не высывайся, Мария. В слепой зоне живет Радиация. Она старая сумасшедшая, ест трансформаторное масло. — Передай маме, что я люблю ее, — сказала я уже в удаляющуюся спину Скальда. Мусоросжигательный завод встретил меня гудением высоковольтных проводов. Место действительно оказалось слепой зоной. Огромный бетонный куб, окруженный забором с колючей проволокой, создавал вокруг себя область абсолютного отчуждения. Люди обходили этот квартал стороной из-за странного привкуса во рту, собаки чуяли озон и сворачивали хвосты, а птицы падали замертво, если пытались сесть на крышу. Но для кошки здесь был рай. Безопасность строилась на химии. Я нашла проход в заборе, прогрызенный кем-то отчаянным годы назад, и оказалась во внутреннем дворе. Под ногами захрустело. Не гравий. Битое стекло от тысяч разби-

тых пробирок и ампул. Оно впивалось в подушечки, оставляя мелкие, почти невидимые ранки, которые тут же затягивались запекшейся кровью. Боль держала в тонусе лучше любого кофе. В центре двора возвышалась гора искореженного металла — старые промышленные холодильники, ржавые станки, автомобильные каркасы. Настоящий замок. Я запрыгнула на капот древнего грузовика. Отсюда открывался идеальный обзор на все четыре стороны. Меня невозможно было достать снизу, а сверху я видела каждое движение крыльев. Здесь царило вечное Переключение. Солнце палило нещадно, нагревая металл так, что воздух над ним плыл маревом. Но стоило ветру усилиться, как с территории завода налетал порыв ледяного воздуха из вентиляционных шахт. Жар сменялся могильным холодом каждые пять минут. Кожа покрывалась мурашками, затем снова горела. День тянулся бесконечно. Чтобы отвлечься от боли в лапах и сосущего голода, я начала изучать свой трофей. Медный жетон. Я катала его лапой по горячему капоту. На одной стороне стертая цифра «42», на другой — едва различимый герб города. Обычная вещь. Проход в подземный мир людей. Символ их суеверия. Для Маркиза это просто доказательство моего послушания. Но я знала цену этому кружочку. Цена измерялась в щелканье железных челюстей под землей. К полудню пришла Радиация. Она появилась беззвучно, вытекла из трещины в фундаменте. Это была кошка-альбинос. Полностью белая, без единого пятнышка, с глазами цвета расплавленного ро-

зового стекла. Ее шерсть не светилась, но казалось, что сам воздух вокруг нее становится густым и тяжелым. Она несла в зубах длинный медный провод, с которого сыпались синие искры. Радиация остановилась внизу, задрав голову. Розовые глаза смотрели сквозь меня. — Новая мышка в стеклах, — прошелестел ее голос. Он был похож на шум статических помех в старом радиоприемнике. — Запахи земли и страха. Верхняя кровь. Зачем пришла в мою печь? — Пережидаю бурю, — ответила я, не двигаясь. Резкие движения пугают безумцев. — Жду друга. — Друга? — она фыркнула, и из ноздрей вырвалось облачко пара, хотя жара стояла невыносимая. — Здесь нет друзей. Здесь есть только те, кого еще не разъело кислотой. Слезай. Покажи живот. Докажи, что внутри тебя не труха. Это была проверка. Старая крыса с вокзала проверяла зубы, эта — внутренности. Я медленно, демонстрируя каждый шаг, спустилась с капота. Спиной вниз, контролируя расстояние. Оказавшись на бетоне, я легла, вытянув шею и подставляя незащитное белое горло. Самый страшный жест доверия. Радиация подошла вплотную. От нее пахло грозой и больницей. Она ткнулась своим сухим носом в мое плечо, глубоко втянула воздух, а затем провела шершавым языком по моему укушенному камню боку. Боль вспыхнула огнем, но я не пошевелилась. — Чистое мясо, — прошипела альбинос, отстраняясь. — Не тронуть гнилью улиц. Маркиз будет глупцом, если съест такое. Такое нужно класть на самую высокую полку, чтобы любоваться.

Держись подальше от восточного отстойника после полуночи. Там сегодня будут топить щенков. Шум испортит мне пищеварение. С этими словами она развернулась и ушла обратно в трещину, оставив после себя запах озона и покоя. Странно, но рядом с этим ходячим безумием мне стало спокойнее. Завод признал меня своей. Закат окрасил небо в цвет дешевого кетчупа. Небоскребы отбрасывали длинные тени, похожие на когти гигантской птицы. Мои стеклянные раны ныли, язык распух от жажды. Когда последний луч солнца лизнул трубу завода, я услышала шаги. Из тени дальнего ангара вынырнула знакомая черная фигура. Скальд выглядел изможденным. Одно ухо было разорвано пополам, а на плече красовалась свежая ссадина. Он подбежал ко мне, тяжело дыша, и бросил на бетон передо мной кусок ливерной колбасы, завернутый в фольгу. — Ешь быстрее, — прохрипел он. — За мной был хвост. Южные псы взяли след у аптеки. Пришлось прыгать через витрину цветочного магазина. Продавец швырнул в меня лейкой. Я впилась в колбасу, чувствуя, как жир течет по подбородку. Это был вкус жизни. — Мама? — спросила я с набитым ртом. — Жива, — Скальд сел рядом, обернув хвост вокруг лап. — Я нашел ее у теплотрасы. Она... она просила передать, что гордится тобой. Сказала, что имя Мария означает «непокорная». Еще она плачет. Просит вернуться. Говорит, братья научились сами открывать консервные банки. Сердце болезненно сжалось. Теплая, пахнущая молоком тьма под боком Рыжухи. Безопасность.

Но путь назад отрезан в ту секунду, когда я согласилась на сделку с Маркизом. Предводители не возвращаются домой плакать маме в шерсть. — Время, — коротко бросила я, слизывая остатки жира. — Где он? — Ждет у старого дуба в парке. Один. Сказал, что хочет посмотреть в глаза той, кто заставила подземных демонов отступить. Я поднялась на лапы. Тело протестовало каждым мускулом. Я подошла к краю грузовика, взяла в зубы холодный медный жетон и прыгнула вниз. — Пойдешь со мной? — спросила я Скальда. Черный кот посмотрел на свои окровавленные лапы, потом на темнеющий город. — Нет, — тихо ответил он. — Моя хроника заканчивается здесь. Дальше начинается твоя легенда. Просто помни, Мария: если он предложит тебе место у трона — отказывайся. Тот, кто сидит рядом с чудовищем, рано или поздно сам начинает вонять серой. Я кивнула. Оставив Скальда среди битого стекла и индустриального гула, я двинулась в сторону парка. Закатное Переключение завершилось. Наступало время истинной тьмы. Время платить по счетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.